

Общая газ. - 1996. - 12 мая. - с 10.

Не читайте русские романы!

Виктор Ерофеев. Страшный суд. Роман. Рассказы. Маленькие эссе. М.: Союз фотохудожников России. 1996. 5 тыс. экз., 495 с.

С романом Виктора Ерофеева «Страшный суд» дело обстоит как со свежеспеченным хлебом: прежде чем его есть, лучше подождать, чтобы он немного остыл, а то может живот разболеться. Мне кажется, что сегодняшнему читателю это сочинение брать еще рано, оно слишком горячее; зато по истечении некоторого времени — скажем, лет пятидесяти — оно немного остынет (как отчасти остыли Гоголь или Достоевский) и читать его будет уже не так больно. Поэтому вот мой совет: поскорее приобрести «Страшный суд» Виктора Ерофеева (неизвестно, что сулит нам будущее в области книгопечатания), а чтение отложить примерно на полвека. Принимая такую позицию, я только частично следую более радикальному призыву самого автора, звучащему с первых же страниц «Страшного суда»: «никогда не читайте русские романы». Но поскольку я, подобно герою романа, решил возложить на себя бремя страдания за других и прочел это сочинение (даже два раза), то позволю себе поделиться своими впечатлениями при твердой надежде, что сказанное мной не побудит читателя преждевременно взяться за вредное для его душевного здоровья чтение.

В самом деле, нелегко сознавать, что Ерофеев является непосредственным преемником большой русской литературы, что в основе его романа лежит не просто виртуозная провокация, и даже не хулиганское глумление над эстетическими, нравственными и духовными ценностями, а попытка правдивого осмысления того состояния, в котором находится русская культура и жизнь в конце XX века. В романе Ерофеева продолжают и развиваются основополагающие темы «русской идеи». Литературная генеалогия Сисина (о «божественной» будет речь позже) продолжает линию «лишнего человека», вялого циника и несостоявшегося бунтаря. Евгений Романович Сисин — автор нашумевшего скандального романа —

представлен в виде обычного «антигероя» русского романа: озлобленный парадоксалист, вечно неудовлетворенный любитель «женской красоты», брюзгливый скиталец (Ерофеев блестяще разыгрывает в остро пародийном ключе избитую в русской литературе тему «разочарования в Западе»), трущобный мегаломан, Сисин воображает себя сыном Иисуса Христа (то есть «Внуком Божиим» — что вполне логично) и планирует конечное решение вопроса человеческого существования. Главным мотивом этой «религиозной» темы является, на мой взгляд, не столько кощунство, сколько беспощадное высмеивание идеологических конструкций, сложившихся на Руси в течение многих веков и породивших такие опасные, скользкие понятия, как «русский Христос», «народ

богоносец», «русский мессианиззм» и т.п., которые так часто выливались в хаос, разрушение или просто пошлый подлог. Бесславный конец Сисина может рассматриваться как символическое обобщение такого рода безумных умствований.

Кто знаком с творчеством Виктора Ерофеева, знает, что каждое его произведение представляет собой, помимо всего прочего, блестящее решение определенной стилистической задачи. В «Страшном суде» задача состоит в сочетании двух противоположных формообразующих принципов. Повествование ведется в виде коротких синтагм, разделенных между собой тремя черточками; расчлененность предложений, сведение речевого материала к минимальным смысловым единицам являются адекватным средством

для изображения потока сознания и свойственным ему беспорядочности мысли, хаотичности, незавершенности, что вполне соответствует образу героя романа — впадающего в безумие Сисина. Но по мере того как читатель «входит» в роман, он обнаруживает, что эти слова-осколки, поначалу кажущиеся просто речевыми отбросами, на самом деле образуют замысловатые узоры, постепенно раскрывающие строгое, глубоко продуманное композиционное единство романа-мозаики. Персонажи понемногу обретают контуры, мало-помалу раскрываются сложные взаимосвязи повествовательного материала. Прочность композиционного фундамента позволяет автору использовать удивительно богатую палитру стилистических средств, преимущественно варьирующих прием контраста: привлечение слов и выражений, принадлежащих крайне отдаленным стилистическим уровням (нагнетание мата, ругани и тут же, рядом, цитаты из Пушкина или Священного Писания), внезапные переходы от «реалистической иллюзии» к фантастике или абсурду («дочка пронзительно закричала на дорожке — она бросилась на Жукова — Жуков взял ее и бросил в кювет — как ненужную, непрактичную вещь — она долго там ползала — как будто задумавшись»), нелепые ассоциации («ему было приятно убить знакомого человека — ему показалось, что он посадил дерево»), постоянные оговорки, гиперболы, гротеск, развернутые сравнения. Все это создает впечатление зыбкости, неразберихи; частая смена литературных условностей сбивает читателя с толку, не позволяя ему выработать «систему» чтения, заставляет его постоянно переключаться. В этом отношении весьма характерна функция «эротики» в последнем романе Ерофеева. Если в «Русской красавице» женское тело порой изображалось в преломлении эротических штампов, то в «Страшном суде» оно окончательно лишается каких-либо атрибутов «заманчиво-

сти»: рассматривая предмет своего вожделения, непокорную, но в то же время удивительно прелестную Маньку, Сисин «холодно и с удовольствием отметил ее облыселость — не так, конечно, плохо было на самом деле — но все-таки — если она не мыла голову — у нее была видна негустота волосяного покрова на голове — хотя она, когда мыла голову, была фальшиво пушиста — прибегая к ухищрениям — фена-начеса — она его заставляла звать ее пушистик — что Сисин и делал, каждый раз мучаясь фальшью». Перед глазами читателя возникает образ жалкой, беспомощной, просящей женственности, образ, в сущности, глубоко человеческий, хотя герой романа отказывается от этой человечности — может быть, боясь ее — и кидается то в сторону садистского наслаждения перед чужим страданием («холодно и с удовольствием»), то в сторону мазохистского самобичевания («мучась фальшью»).

Но сама по себе эта поэтика резких противопоставлений, хоть она и создает ощущение неудобства, однако недостаточна, чтобы создать то поистине болезненное состояние, которое овладевает читателем по мере того, как он углубляется в «прехитрую вязь» ерофеевского романа.

Есть писатели, назначение которых — создавать положительные модели красоты (художественной, нравственной, духовной). Подобно алхимикам древних времен, они пытаются претворить олово в золото. Они пребывают в стихии идеала, утопии и увлекают туда своих читателей. Такие писатели необходимы, и, слава Богу, они в России не перевелись. Но существует другой разряд художников, чья задача — создавать красоту из готового материала, а поскольку этот материал никогда не бывает привлекательным, то решение их задачи оказывается намного труднее и представляется в неприглядной, неуютной, парадоксальной форме. В русской литературе такими художниками были Гоголь, Достоевский, Розанов и другие. Виктор Ерофеев продолжает эту линию: он прочно утвердился в русской литературе как блестящий стилист и подлинный писатель-мыслитель, и если современники его не поймут, то будущие поколения воздадут ему по заслугам.

Жорж ФИЛИППЕНКО
Париж